

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА, ИЛИ КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ЗОЛОТО МОНГОЛИИ?*

Данная статья посвящена проблеме легитимизации претензий нации на природные ресурсы. В центре нашего внимания находится политика экономического национализма. Автор фокусирует внимание на антропологическом срезе государственной политики в области добычи природных ископаемых. Если ранее экономический национализм был инструментом деколонизации в странах Азии, то в 1990-е гг. он использовался для десоветизации в Центральной Азии. В Монголии он стал актуален в 2000-е гг. в связи с ростом добычи золота. Основной проблемой данного исследования является противоречие между притязаниями нации и экономической эффективностью. В статье рассматриваются такие вопросы, как иерархия и взаимоотношения в среде нелегальных старателей, политические контексты нелегальной золотодобычи и проблема монгольского национализма. Большое значение имеет контекст социальной безопасности. Нелегальная добыча золота в Монголии напрямую связана с криминальными группами и контрабандой. Золотодобыча de facto изменила монгольское общество и все более вытесняет кочевое скотоводство. Сегодня старатели-нелегалы — это бывшие пастухи, рабочие, учителя. Все это снижает количество налоговых выплат и дестабилизирует социальную сферу. Нелегальная добыча имеет еще и негативное влияние на экологию. Она разрушает почву традиционных пастбищ монгольских скотоводов, фактически сужая ареал для целого сектора экономики — скотоводства. Основным выводом данного исследования — экономический национализм в золотодобывающей отрасли Монголии приводит к криминализации данного сегмента экономики и увеличению роли нелегального сектора. Исследование опирается как на материалы серии интервью, записанных автором в Монголии, так и на данные государственной статистики.

Ключевые слова: Монголия, собственность, золото, экономический национализм.

Монголия, согласно данным на 2012 г., по темпам развития экономики (рост ВВП — 17 % в год) вышла на второе место среди экономик мира (Campri 2012: 2). Этот рост стал возможен лишь благодаря иностранным инвестициям в горнодобывающую отрасль. Еще 20 лет назад она выглядела полукочевой

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Большая игра» в современной Внутренней Азии: проблемы нестабильности и безопасности в регионе), проект № 12-03-00007.

Михалев Алексей Викторович — доктор политических наук, доцент, Бурятский государственный университет (mihalew80@mail.ru)

Mikhalev Alexey — doctor of science, associate professor in Buryat State University (mihalew80@mail.ru)

и индустриально слабо развитой окраиной бывшего Восточного (Варшавского) блока. Современная Монголия прошла сложный путь постсоциалистических трансформаций и интегрировалась в региональную экономику Северо-Восточной Азии (Яскина 2006). Однако успешность этой интеграции напрямую связана с решением вопроса о концессиях и о собственности в этой стране. Шестая статья монгольской Конституции гласит: «Земля и недра Монголии являются собственностью нации», все дальнейшие правоотношения регулируются «Законом о недрах», опирающимся на Конституцию.

Из всей добывающей сферы Монголии наибольший интерес представляет добыча золота. Именно на примере этой отрасли можно наиболее наглядно проследить последствия вытеснения иностранных компаний и негласной поддержки национального бизнеса. В центре нашего внимания проблема практик отчуждения и присвоения собственности в сфере золотодобычи Монголии. Идея о том, что природные богатства принадлежат народу Монголии, сегодня используется как легитимное прикрытие рейдерских захватов со стороны старателей-нелегалов. Все это вызывает обеспокоенность у иностранных инвесторов, в том числе у российских компаний, работающих в добывающей отрасли (Жегулев 2012).

Золотодобыча в Монголии является частью теневой экономики, в которой, по разным оценкам, (данные Г.С. Яскиной и Р. Грайосона) занято приблизительно от 60 тыс. до 100 тыс. человек*. В этой сфере формальные механизмы регулирования отношений собственности фактически не действуют. На уровне повседневности решения принимаются лидерами сообщества нелегальных старателей (так называемые *ниндзя*) (Интервью с Ц. Дамбадоржем, список информантов см. в конце статьи). Именно *ниндзя* совершают захваты техники и золотоносных участков легальных компаний (зачастую иностранных) (Жегулев 2012; Чулов 2006; Grayson et al. 2004). В основной массе эту социальную группу составляют вчерашние кочевники-скотоводы, которые переносят свое отношение к природе и к имуществу в новую сферу деятельности. Рефлексия над данной спецификой в методологическом плане отсылает нас к исследованиям постномадизма**, основоположниками которых являются К. Хамфри и Д. Снит (Humphrey, Sneath 1999). При этом современная Монголия — это государство с не пережитым до конца опытом постсоциализма, сочетающим в себе идеалистические представления о роли нации и этатистские ориентации. Все это непосредственно влияет на ситуацию с золотодобычей.

* Население Монголии, по данным Национального статистического агентства Монголии, составляет 2,9 млн. человек, из которых 1,48 млн. проживает в столице в г. Улан-Батор (данные 2014 г., источник: <http://www.nso.mn/>).

** Под постномадизмом понимается период в истории кочевых обществ, когда под влиянием индустриализации и глобализации общества существенно изменился уклад жизни кочевников Азии.

Данная тема так или иначе освещалась в работах Дж. Блэка, М. Диар, М. Педерсена, М. Хай, К. Хамфри, С. Эрдэнээ-Баатара. В их трудах рассмотрены различные аспекты бума золотодобычи в Монголии. Работа Д. Диар посвящена историческому контексту конца XIX — начала XX в. добычи золота в Монголии на примере общества «Монголоор» (Dear 2012). Исследования Дж. Блэка дают общий экономический анализ развития всей современной добывающей отрасли изучаемой страны (Black 2001). Описанию сообщества старателей-нелегалов в 1990–2000-е гг. посвящены работы М. Хай, Д. Снита, К. Хэмфри (High 2008; High 2012; Humphrey, Sneath 1999). Влиянию китайского капитала в сфере золотодобычи посвящена статья М. Педерсена (Pedersen, Nielsen 2013). Вопрос загрязнения окружающей среды вследствие золотодобычи освещается в исследовании Р. Грайосона и др. (Grayoson et al 2004). В то же время остается неизученным большое количество проблем, начиная с государственной политики по регулированию отношений в добывающей отрасли, заканчивая аспектами силового предпринимательства в золотодобывающей отрасли. Поэтому в центре нашего внимания — противоречия в реализации политики экономического национализма в условиях слабого государства.

Исследование опирается на широкий спектр источников:

- 1) Материалы интервью автора с руководителями компаний, работающих в золотодобывающей отрасли (Улан-Батор, 2010), а также материалы личного наблюдения автора (Улан-Батор, 2009–2011);
- 2) Данные экологического мониторинга, проведенного европейскими экспертами (Annual Report 2009);
- 3) Материалы монгольских СМИ (сайт owasia.ru, дайджест монгольской прессы за 2000–2009 гг.);
- 4) Аналитические материалы по мониторингу коррупции и преступности в Монголии (Авлигьг хэмжихүй 2010; Mongolian Statistical Yearbook 2011).

Композиция представленной статьи предполагает: теоретический обзор, касающийся экономического национализма; описательные разделы, касающиеся структуры нелегальной золотодобычи в Монголии, а также аналитический блок, позволяющий судить о том, какова специфика собственности на природные ресурсы в Монголии.

Осмысляя дизайн экономического национализма в Монголии

В представленной работе мы анализируем влияние идеологии экономического национализма на распределение собственности в золотодобывающей сфере Монголии. Согласно определению Стефана Шульмана, «экономический национализм формирует перспективы в большей степени под влиянием национальных идентичностей и национализма по экономической политике» (Shulman 2000: 336). Автором этой концепции является немецкий ученый Ф. Лист, в дальнейшем она получила развитие, например, в фундаментальных работах У. Раппарда, Р. Рейха, Ф. фон Хайека, М. Хэлл-

перина и др. (Heilperin 1960; Найек 1971; Reich 1991) и даже была внедрена на практике в ряде государств. За длительный период рефлексии по поводу экономического национализма была сформулирована еще одна дефиниция, ставящая в центр внимания интересы государства как основного агента нации. Подобная интерпретация наиболее приемлема для изучаемой нами ситуации в Монголии (Heilperin 1960).

Экономический национализм в сфере добычи полезных ископаемых — явление, характерное почти для всех стран постсоветской Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Туркмения). Эскалация подобных настроений на постсоветском пространстве приходилась на середину 1990-х, а в Монголии — на конец 2000-х гг. Нужно отметить, что расцвет частной золотодобычи в Монголии напрямую связан с вытеснением из Таджикистана российских золотодобывающих артелей под влиянием национализации месторождений (Жегулев 2012). Таким образом была создана компания «Золотой Восток», пришедшая в страну, когда «золотой проект» только начинался. В результате, став одной из первых иностранных фирм, работающих в добывающей отрасли Монголии, она получила карт-бланш для ведения бизнеса.

Говоря о природе экономического национализма в современной Монголии, мы констатируем наличие преемственности между советскими проектами нациестроительства и современными ультраправыми риториками. Монгольский экономический национализм — феномен постсоциализма, с характерным для него пониманием собственности нации на природные ресурсы. Нация выступает как некая юридическая абстракция, реальным агентом которой является государство, представляющее ее интересы. Государство распоряжается природными запасами от имени нации, зачастую передавая их в концессии иностранным корпорациям. Подобные отношения отличают постсоциалистический экономический национализм от постколониального, в условиях которого агентом выступает национальный бизнес (Chakrabarty 2000). В Монголии такая система не могла сложиться априори, т. к. национальный бизнес начал формироваться лишь после 1990 г. и не имел финансовых возможностей инвестировать в добывающую отрасль. Сегодня в политическом дискурсе Монголии противостоят две тенденции: ориентация на этатизм и ориентация на предоставление преференций национальному бизнесу. Все это непосредственно сказывается на ситуации в золотодобывающей отрасли.

Одновременно мы имеем возможность проследить процесс конструирования новых национальных идентичностей (Михалев 2011). Прежняя монгольская идентичность, основанная на кочевом скотоводстве, уходит в прошлое, Монголия перестает быть сельскохозяйственной страной. Все чаще проводятся аналогии с Саудовской Аравией или ОАЭ, т. е. формируется новая идентичность нации-рантье, живущей за счет доходов от продажи природных ресурсов. В зарубежных изданиях страна получила неофициальное

название Майнголия (от англ. mine «рудник»)*. В Улан-Баторе стремительный рост ресурсодобывающей сферы связывают только с деятельностью иностранных компаний. Однако именно бывшие скотоводы-араты под влиянием падения цен на шерсть и массового падежа скота фактически основали нелегальную индустрию добычи и контрабанды золота. Старатели-нелегалы, добывая золото, постоянно перемещаются от одного месторождения к другому, вырабатывая наиболее легкодоступные верхние слои почвы. Это явление получило название «кочевой золотодобычи» (Grayson et al. 2004), что представляется некоей переходной к оседлости формой экономической деятельности. Но возникает вопрос: кому сегодня принадлежит монгольское золото и кто реально распоряжается золотоносными участками?

Золото Монголии: достояние нации?

«Золотой проект» был инициирован президентом Монголии П. Очирбатом в 1994 г. как основная программа по повышению уровня жизни в стране. Предполагалось, что добыча золота позволит существенно повысить уровень жизни, увеличить золотой запас и обуздать инфляцию. Залежи золота в стране были разведаны еще в 1985 г. советскими геологами, но их организованная разработка практически не ведется до сих пор, металл добывают лишь мелкие и средние старательские артели. По официальным данным, в Монголии существует 1083 месторождения золота, из них лишь 419 разрабатываются законно (Grayson et al. 2004). Добыча золота в Монголии разрешена на основании лицензий, которые могут получать только граждане этой страны. Большинство иностранных компаний, работающих в добывающей сфере, имеют лицензии на подставных лиц. Исключением являются те, кто выкупил дорогостоящее право на концессии. Кроме того, разрешение могут получать и частные лица: к 2010 г. выдано 2200 таких лицензий на добычу золота. За последние 10 лет объем добычи золота в Монголии вырос в 18 раз и достиг 21 тонны в год** (Grayson et al. 2004). Сейчас в Монголии работают 350 компаний, из них 280 — на добыче россыпного золота, а остальные заняты горной разработкой ценного металла (данные Mongolian Statistical Yearbook 2012).

Официально продавать добытое золото в Монголии разрешено лишь государству, которое покупает его у добывающих компаний по курсу, установленному на Лондонской бирже металлов. Однако, по оценкам монгольских экологов, ежегодно в КНР уходит 4–5 тыс. тонн нелегального золота (из личного разговора с экологом И. Садыковой) Сегодня для монгольских предпринимателей, добывающих уголь, нефть или металлы, китайский рынок

* См. сайт [<http://www.minegolia.com/>].

** Несмотря на то, что, по официальным данным государственной статистики, объемы добычи золота сокращаются (за 2008 г. — 15 тонн, а за 2011 — 5,7 тонн) (Mongolian Statistical Yearbook 2012: 243).

является наиболее доступным и масштабным*. Более того, Китай активно инвестирует в добывающую отрасль страны — в целом 45 % инвестиций в экономику Монголии приходится на «Поднебесную» (в 2012 г. 2 млрд. USD). Без финансовых вливаний из КНР добывающий бум в Монголии был бы невозможен. И именно Китай является основным потребителем сырья, добываемого в Монголии — 81 % (Mongolian Statistical Yearbook 2012: 272).

В 1990-е гг. золотодобыча была занятием в основном китайских предпринимателей и рабочих, которых насчитывалось 8 000 человек. В середине 2000-х добычей золота в Монголии занималась одна китайская фирма «Алтан Хумруг», а также три российских: «Монголросцветмет», «Золотой Восток» и «Золотая Виктория», несколько корейских и одна канадская компания «Бороо Голд» (Grayoson et al. 2004). Все они использовали иностранную рабочую силу, практически не привлекая монголов. Представители политических партий с конца 2000-х гг. все чаще стали заявлять о необходимости самостоятельной разработки природных ресурсов. С этого времени начался процесс вытеснения иностранных компаний из золотодобывающей сферы Монголии. К 2013 г. в этой стране не осталось ни одной российской фирмы, работающей в данной отрасли. Последней компанией, вытесненной из страны, была фирма «Золотой Восток» (Жегулев 2012).

На уровне государственной политики экономический национализм выражается в снижении количества лицензий на разработку золотоносных участков, выдаваемых иностранным бизнесменам. Только в 2011 г. было отозвано 254 лицензии (Mongolian Statistical Yearbook 2012). Кроме того, в парламенте страны на протяжении последних пяти лет постоянно пересматривается закон о добыче полезных ископаемых (см. High 2012). Участники различных инвестиционных проектов стабильно несут убытки от изменения условий подписанных инвестиционных пакетов. В результате растет сектор теневой золотодобычи. Именно старатели-нелегалы зачастую выступают основными агентами рейдерских захватов. Они занимают территорию, на которой ведет разработки компания, имеющая лицензию, вытесняют ее рабочих и ведут добычу (см. табл. 1). Подобную схему описал глава одной из российских компаний: «К 2006 году частных старателей на территории моей компании насчитывалось уже до 10 000. Охрана с ними не справлялась. Мы не могли применить силу, потому что применение спецсредств сразу же привело бы к межэтническому конфликту. Мы все же являемся иностранной компанией. Обращения в полицию не помогали. Те, кого охрана сдавала в полицию, выходили оттуда через полчаса, заплатив штраф 3000 тугриков (около \$2), и возвращались обратно на прииски» (Жегулев 2012).

Борьба с иностранными компаниями, граничащая с шовинизмом, формально легитимизируется посредством экологических движений. В 2010 г.

* Нужно отметить, что Монголия граничит только с Россией и Китаем, не имея выхода на иные рынки и доступа к морским портам.

один из лидеров экологического движения Г. Мухбаяр обстрелял из ружья китайский трактор, принадлежащий золотодобывающей фирме «Пурам» (Мейель 2005). Попытка привлечь его к уголовной ответственности привела к массовой манифестации скотоводов Монголии в центре Улан-Батора. К данной акции также присоединились монгольские ультраправые и нацисты*, требовавшие запретить деятельность иностранных предприятий в стране.

Ниндзя — хозяева монгольского золота?

Итак, *ниндзя* — это старатели-нелегалы, специализирующиеся на добыче золота, получившие такое название из-за зеленых металлических тазов, которые они носят за спиной, что придает им сходство с «черепашками-ниндзя» — героями голливудского фильма «Turtles» (Grayson et al. 2004). Термин *ниндзя* является устоявшимся в Монголии благодаря многочисленным экологическим экспедициям европейских и американских ученых. *Ниндзя* — достаточно неоднородная группа. Среди первых представителей этой профессии были рабочие горнодобывающей промышленности, которые после преобразований 1990-х гг. остались без работы. Вслед за ними пришли инженеры и геологи — все те, кто в период «социализма» трудился в советско-монгольских геологических экспедициях. Сегодня в числе *ниндзя* сельские учителя, врачи, студенты, скотоводы, пенсионеры. В сущности, это маргинальная группа, включившая в себя тех, кто не смог найти себе другой заработок (Ibid). Среди *ниндзя* немало детей, которые легко проникают в заброшенные шахты и места выработки крупных добывающих компаний. Специфика деятельности *ниндзя* в том, что они следуют за крупными фирмами, добывая золото из уже отработанной земли. Кроме того, высокая мобильность *ниндзя*, обусловленная потребностью следовать на новые золотоносные участки, обеспечивается мобильностью их жилищ: компактные юрты (монг. гэр) легко разбираются в случае необходимости переезда на новое место промысла. Наряду с этим можно выделить еще одну важную сферу деятельности *ниндзя* — силовое предпринимательство**, подразумевающее рейдерские захваты, грабежи, рэкет, контрабанду и принуждение к труду (интервью с Ц. Дамбадоржем).

Многие из старателей являются выходцами из небольших городов, основанных в период «социализма» с целью формирования национального отряда рабочего класса страны (интервью с Ц. Дамбадоржем). В повседневную практику золотодобычи *ниндзя* перенесли категории скотоводов: бык, жеребец, овца — это названия крупных золотых самородков по убыванию

* Монгольские нацисты придерживаются мнения о том, что идеология фашистской Германии разработана под влиянием средневековых монгольских летописей и личности Чингисхана.

** Силовое предпринимательство мы понимаем в рамках теории В. Волкова (см. Волков 2002).

Таблица 1

**Удельный вес нелегальной золотодобычи в экономике районов (аймаков)
Монголии (Источник: Grayson et al. 2004)**

Район Монголии	Населенный пункт	Исходный вид занятости	Специализация ниндзя	Роль ниндзя в экономике
Селенгинский	Буруунхара (город)	Сельское хозяйство	Горные разработки золота	Доминирующая
Центральный	Борнуур (город)	Сельское хозяйство, служащие	Горные разработки золота	Доминирующая
Селенгинский	Бугант (город)	Золотодобыча, лесоводство	Золотые прииски	Доминирующая
Улан-Баторский	Налайх (город)	Добыча угля	Золотые прииски и уголь	Основная
Центральный	Огоомор баг	Добыча угля	Золотые прииски	Существенная
Дархан-уул	Шарийн Гол (город)	Добыча угля	Золотые прииски	Минимальная
Центральный	Цагаан булаг (город)	Разведка золота, сельское хозяйство, золотые прииски, служащие	Золотые прииски	Доминирующая
Центральный	Замаар (город)		Прииски и горные разработки золота	Существенная
Селенгинский	Зуун-хара (город)		Горные разработки золота	Доминирующая

их размера (Grayson et al. 2004). Наглядный пример истории жизни семьи старателей-нелегалов был приведен во французской газете «Le Figaro»: «Мунхбаяр, 32-летняя учительница, и ее муж — безработный врач, все подсчитали очень быстро. Работать в школе означало для нее погрязнуть в нищете, получая зарплату 25 евро в месяц и не имея никакой надежды выбраться из этой пропасти. Золото позволило им в первый же месяц промывки заработать в 10 раз больше. Мунхбаяр ушла из системы министерства образования, чтобы ее дети могли учиться в единственной приличной школе, за которую нужно платить 300 евро в год. С первой же оттепелью муж и жена, прихватив с собой лопаты и резиновые сапоги, приехали к брату Мунхбаяр, живущему в юрте на золотоносном участке Аранжен. Это опасное ремесло. Чтобы докопаться до самых богатых золотом слоев отходов, “черепашки ниндзя” роют колодцы и туннели в нестабильном нанос-

ном грунте. Осыпи случаются часто, на помощь прийти некому. Зимой, когда несчастных случаев становится еще больше, старатели роют свои галереи и жгут в них покрывки, чтобы размягчить замерзшую землю. И, наконец, они травятся ртутью, которую часто используют, чтобы отделить золото от примесей» (Мейель 2005).

Масштабность феномена *ниндзя* подсчитывается еще и по количеству юрт (гэр). В одной гэр-юрте может проживать от 1 до 5 человек. Например, в районе месторождения Замар в самый благоприятный сезон для добычи количество гэр достигает 225, тогда как в обычное время их количество 25–50 (Grayson et al. 2004). Из-за добычи золота усиливается расслоение среди старателей, наиболее успешные приискатели закупают технику и начинают добычу золота на труднодоступных горных участках. В этих условиях учащаются преступления, совершаемые из-за золота: грабежи, разбойные нападения, принуждение к труду. Самая влиятельная группа — скупщики золота, непосредственно связанные с контрабандистами, экспортирующими это золото в Китай. Среди всех, кто имеет отношение к золотодобыче, они наиболее материально обеспечены. Легкость их передвижения обусловлена тем, что вся система торговли и услуг размещена в юртах, а не в стационарных зданиях. 100 % товаров, предлагаемых старателям в магазинах (дэлгур), равно как и ртуть, привозятся из КНР (Интервью с К. Мунх-Цэцэг). Чаще всего скупка золота ведется на деньги китайских заказчиков, но некоторые вкладывают и свои средства для получения большей прибыли. Черный рынок золота фактически меняет социальную структуру ряда аймаков Монголии, их жители оказываются вовлечены в систему нелегальных экономических отношений.

Наряду со скупкой металла процветает нелегальная торговля. Помимо торговли ртутью и бытовыми товарами особое значение имеет торговля оружием. Так, на черном рынке приблизительная цена китайского АК-47 составляет около 40 граммов золота, пистолета ТТ китайской сборки — 15 граммов. В условиях криминализации экономических отношений оружие пользуется особой популярностью в связи с необходимостью обеспечения безопасности (Интервью с Ц. Дамбадоржем). В результате распространения оружия появляются влиятельные криминальные группы, контролирующие аренду территорий для золотодобычи и торговли. Они состоят преимущественно из мужчин среднего возраста. Эти объединения различаются по количественному составу и по обеспеченности оружием. Последний фактор важен, т. к. покупку оружия могут себе позволить не все, поскольку большинство старателей тратят добытое на еду и товары первой необходимости (Интервью с К. Мунх-Цэцэг).

Власть и собственность

Как уже отмечалось, в условиях масштабной «золотой лихорадки» официальная власть в лице правоохранительных органов почти не контролирует

ет ситуацию в этой сфере. На наш взгляд, тому две причины: коррупция* и масштабность и стихийность явления «золотой лихорадки» в стране с низким уровнем доходов и высокой безработицей**. В ситуации кочевой и полукочевой золотодобычи в среде *ниндзя* реанимировался институт вождества***. Ключевыми фигурами, принимающими решения относительно распределения мест разработки на уровне сообщества *ниндзя*, являются атаманы. Атаманы — неформальные лидеры поселений, их власть опирается на силу, авторитет и в некоторых случаях на возраст. Институт атаманов в исторической ретроспективе является наследием периода «Атаманщины», длившегося в регионе Внутренней Азии на протяжении 1920-х гг. Его сущность сводилась к борьбе с советской властью силами оставшихся белоказачьих отрядов, которые, помимо прочего, занимались трансграничным бандитизмом на границе СССР с Монголией и Манчжурией (Интервью с Е. Чулуунбатом). С того времени под словом «атаман»**** в Монголии подразумевается человек, обладающий авторитетом, криминальный или полукриминальный лидер. В антропологическом дискурсе региона существуют попытки выстраивать аналогии между этим термином и русским криминальным статусом «смотрящий». Однако начиная с 1990 г. Монголия прошла сложный путь развития и почти полностью избавилась от советского наследия, в том числе в криминальной сфере. В период с 1930 до середины 1950-х гг. СССР поддерживал существование в МНР филиала ГУЛАГа, в котором содержались заключенные из Советского Союза, в этих условиях экспорт криминальной иерархии был неизбежен (Улан-Баторская железная дорога... 2010). В 1970—1980-е гг. атаманы возглавляли уличные группировки, участвовавшие в городских столкновениях «район на район». Однако в 2000-е гг. понятие «атаман» стало в большей степени соотноситься с иной моделью взаимоотношений, менее ориентированной на российские криминальные ценности и более связанной с хозяйственной деятельностью. Сегодня атаманы зарабатывают авторитет в конфликтах между группами *ниндзя*. Чаще всего это вооруженные конфликты с применением огнестрельного и холодного оружия (Интервью с Е. Чулуунбатом).

* В списке Transparency International по уровню коррупции Монголия занимает 85 место с коэффициентом 3.0. Согласно данным обзора, составленного UNDP, 49 % опрошенных считают, что коррупция в Монголии есть везде, и 44 % думают, что она растет.

** Средний уровень заработка по стране 3 USD в день. Уровень безработицы по г. Улан-Батор, в котором проживает почти половина населения страны, составляет 10 %.

*** Согласно определению Р. Карнейро, «вождество — автономная политическая единица, включающая в себя несколько деревень или общин, объединенных под постоянной властью верховного вождя» (Carneiro 1981: 45).

**** В современном монгольском языке термин «атаман» — заимствование из русского языка.

Фактически атаман выполняет функцию средневековых вождей кочевников. В частности, мы можем сослаться на слова Гильома де Рубрука о том, что всякий начальник знает границы пастбищ, которыми пользовались подчиненные ему скотоводы, и места кочевий в разные времена года (Марков 1998: 114). Определенно схожую картину рисует «Сокровенное сказание» монголов. Так, Онгодай-хан повелел, чтобы от каждой тысячи были избраны особые нунтуучины, которые и разделили бы земельно-водные угодья (Марков 1998). Схожесть функций атаманов и нунтуучинов практически полная, различие лишь в природе этого феномена. Именно с этим столкнулись журналисты компании НТВ, снимавшие сюжет о нелегальной добыче золота: «В Бургедэ съезжаются охотники за удачей со всей Монголии. Одни захватывают свободные участки, другие оттесняют соседей. Здесь нет писаных законов, и почти все, что происходит, — нелегально. Старатели-одиночки не платят налогов, и никто не гарантирует их безопасность. По всей стране их называют одним словом: *ниндзя*. Снять жизнь золотодобытчиков нам удалось, лишь договорившись с атаманом, — его слово в поселке — закон! Атамана Нармандаха побаиваются и уважают. Хромать на одну ногу он начал после драки с такими же, как он, *ниндзя*. В поселке Бургедэ, как в Греции, есть всё: одежда, мука, алкоголь» (Чулов 2006).

Количество *ниндзя*, ориентированных на силовые варианты ведения своего бизнеса, составляет 5–10 % от их общей численности (Mongolian Statistical Yearbook 2012). Между тем захваты золотоносных участков представляют собой почти обыденное явление. Специфика здесь заключается лишь в том, что иностранные компании не имеют права применять оружие против *ниндзя* при защите своей собственности и бизнеса и вынуждены обращаться к властям. Монгольские чиновники по политическим соображениям не всегда идут на компромисс с иностранными инвесторами. Сами же *ниндзя* в своей среде решают конфликтные ситуации либо с применением силы, либо за счет достижения соглашений между лидерами различных групп приискателей. В целом силовой вариант организации золотодобычи не теряет своей актуальности, поскольку позволяет разрабатывать наиболее перспективные золотоносные участки и при минимальных затратах эксплуатировать захваченную технику.

Ситуация с силовыми вариантами в большей степени характерна для горных разработок, где один день работы при хорошей технике и на богатом участке может принести около 500–600 граммов золота (Интервью с Ц. Дамбадоржем). Криминальные группы, занятые отъемом золота, тесно связаны с контрабандистами и имеют партнеров на черном рынке в КНР. Именно они, по мнению старателей, сбывают золото по низким ценам, в результате вынуждая всех остальных обменивать металл на еду и одежду. И хотя официальная государственная цена приема золота гораздо выше, криминальный характер бизнеса исключает возможность легального сбыта.

Практика ресурсного национализма

Изменения, происходящие в современном монгольском обществе, вызывают недовольство в среде бизнеса, сообществе скотоводов и значительной части интеллектуалов, которое находит поддержку в среде ультраправых партий и групп. Монгольские нацисты из организации «Даяр Монгол» в 2011 г. поддержали манифестацию монгольских скотоводов, страдающих из-за сокращения пастбищных угодий под влиянием расширяющейся золотой лихорадки. Экстремистские партии требуют национализировать добычу золота и лишить иностранные компании, работающие в стране, имущества (т. ч. средств производства), передав его нации (Материалы личного наблюдения автора). Их позиция находит поддержку среди электората и в парламенте. Сущность уличной риторики сводится к идее о том, что на добыче металлов наживаются иностранцы, а благосостояние монголов падает, т. к. условия для разведения скота становятся неблагоприятными: ртуть, являющаяся реактивом для выделения золота, сливается на землю и в воду, а также происходит эрозия почв. Однако подобные методы добычи золота в большей степени характерны для *ниндзя*, чем для крупных иностранных фирм, поскольку именно нелегалы не имеют возможности использовать промышленное оборудование. Защита окружающей среды в Монголии, находящейся на грани экологической катастрофы, стала сферой, в которой наиболее легко заработать политический капитал. Так, монгольский националист Ц. Мунхбаяр в 2007 г. получил международную экологическую премию Голдмана (Открытый мир 2009).

7 ноября 2010 г. парламент Монголии объявил о поэтапном вводе в действие закона «О запрете разведки и разработки полезных ископаемых в области истоков рек, водоохранных зонах водоемов и в лесном фонде». Было отозвано 254 лицензий на добычу россыпного золота. Всего же по закону отзыву подлежали 391 лицензия на добычу и 1400 лицензий на разведку полезных ископаемых (Business Mongolia). В то же время депутат парламента Ц. Шинэбаяр заявил: «Земля и недра Монголии являются собственностью народа и гарантируют целостность страны, — так указано в Конституции, поэтому предоставление владельцам лицензий прав владения месторождений — есть покушение на суверенитет Монголии. В местечке Цагаан-хад Южногобийского аймака находятся более 4000 иностранцев без каких-либо разрешений на проживание, в этом месте осуществляются торговые операции денежными знаками КНР, что также свидетельствует об утрате суверенитета Монголии» (Открытый мир 2009). Экс-министр финансов Х. Ганхуяг прокомментировал ситуацию с санкциями против иностранных предприятий так: «Мы не хотим стать второй Африкой. Поэтому мы не можем позволить, чтобы одна нация контролировала все предприятия в нашей стране» (Открытый мир 2009).

Ситуация осложняется еще и тем, что монгольские экстремисты часто нападают на китайских перекупщиков золота или на места компактного

проживания рабочих из КНР, нанятых иностранными компаниями. Одновременно в золотодобывающей сфере Монголии зачастую создаются непреодолимые бюрократические препятствия для деятельности иностранных добывающих корпораций посредством односторонней денонсации инвестиционных соглашений. Выступления монгольских националистов против иностранных компаний ведут к увеличению социальной группы «черных старателей» и к нелегальной продаже золота в Китай почти за бесценок. При этом монгольские аналитики считают, что национальному бизнесу не дают возможность инвестировать в добывающую сферу: «Монгольским капиталистам не дают возможность инвестировать в Монголию. Монголы не могут использовать свои недра. Хватит, остановим этот процесс! Давайте будем делать все сами: строить дома, пахать землю, оборудовать детям площадки. В Монголии есть не только “тугриковые”, но и долларовые миллиардеры. Давайте вместе с ними начнем все строить новую жизнь» (Открытый мир 2009).

Экономический национализм как политическая тенденция, характерная для современного монгольского общества, в условиях слабого государства ведет к совершенно иному эффекту, нежели декларируемая им цель — рост благосостояния монгольского общества. Слабость государства, заключающаяся в неспособности сохранять монополию на насилие и контролировать сбор налогов, а также экспорт ценных металлов, ведет к тому, что вне правового поля оказывается целый сегмент экономики — золотодобыча. Труд тысяч старателей-нелегалов используется в интересах иностранных предпринимателей, скупающих золото и незаконно вывозящих его из страны. Усилия же монгольских националистов по борьбе с иностранными компаниями ведут лишь к сокращению количества вполне легальных фирм, заинтересованных в сотрудничестве с государством. В итоге складывается парадокс, при котором защита национальных интересов наносит ущерб им самим посредством увеличения нелегального сектора и сокращения числа налогоплательщиков. В 2012 г. парламентарии Монголии рассмотрели перспективу внесения изменений в «Закон о недрах» (Business Mongolia). Эти изменения должны были создать более благоприятную среду для иностранных инвесторов, каковы будут последствия, покажет время.

Политики Монголии идут на консенсус с обществом, все более настоятельно требующим национализации. Ответом на этот вызов стала так называемая «природная рента», т. е. выплаты каждому гражданину страны из налоговых поступлений, полученных от иностранных компаний, ведущих разработку природных ресурсов. Однако данная идея, несмотря на многократные заявления, так и не реализована как некая система*.

* Предпринимавшиеся попытки одноразовых выплат, на наш взгляд, не снимут напряженности в обществе.

На наш взгляд, данная ситуация является характерной чертой постсоциализма и связанного с ним тренда национализации. Сегодня монгольский бизнес слаб, а государственное вмешательство в его дела минимально (в сравнении с Туркменистаном или Казахстаном). В итоге он не может выступать как агент государства или нации, как это было в постколониальных ситуациях на Востоке (Sunny 2006), а сталкиваясь с китайскими госкорпорациями, оказывается неконкурентоспособен. Вытеснение последних с рынка приводит к хаосу индивидуальных интересов, а замкнутость экспортных операций на КНР приводит к демпингу, который, в свою очередь, является результатом конкуренции индивидуальных старателей.

Литература и источники

Авлигьг хэмжихүй: хэрэглэгчийн гарын авлага. Улаанбаатар: Сансудай, 2010.

Волков В.В. Силовое предпринимательство в современной России. М.: Летний сад, 2002.

Жегулев И. Как российский бизнесмен едва не стал миллиардером в Монголии, но в итоге потерпел крах // Forbes 2012 [<http://www.forbes.ru/sobytiya/lyudi/183940-kak-rossiiskii-biznesmen-edva-ne-stal-milliardrom-v-mongolii-no-v-itoge-poter>]. Дата обращения: 25.03.2013.

Марков Г.Е. Из истории изучения нomaдизма в отечественной литературе: вопросы теории // Восток, 1998, 6, с. 110–123.

Мейель Ж. Страна, охваченная «золотой лихорадкой» // Le Figaro. 2005. 25 мая. [<http://inosmi.ru/world/20050525/219884.html>]. Дата обращения: 25.03.2013.

Мисюркеева Ю. Варварская «золотая лихорадка» в Монголии отравляет Селенгу // Новая Бурятия, 2009, 39.

Михалев А.В. Монголия как национализирующееся государство: опыт постсоветских трансформаций // Политическая наука, 2011, 2, с. 193–207.

Открытый мир 2009 (Дайджест монгольской прессы). [<http://www.owasia.ru>]. Дата обращения: 25.03.2013.

Улан-Баторская железная дорога (начало XX в. — 1957 г.): документы и материалы. Улан-Удэ: Издательство ФБГОУ ВПО ВСГАКИ, 2010.

Чулов Д. Монголия. Дорога к Золоту // «Их нравы». НТВ от 22.10.2006. [<http://www.ihnnavu.ru/sujet/3181/>]. Дата обращения: 25.03.2013.

Яскина Г.С. Интеграционные процессы в Северо-Восточной Азии: проблемы и перспективы // Владимирцовские чтения-V: доклады Всероссийской научной конференции (Москва, 16 ноября 2005 г.). М.: ИВ РАН, 2006. с. 116–128.

Annual Report 2009. Swiss Agency for development and Cooperation in Mongolia [<http://www.swisscooperation.admin.ch>] (дата обращения: 25.03.2013).

Black S.W. *Obstacles to faster growth in transition economies: the Mongolian case*. 2001 [<http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2001/wp0137.pdf>] (дата обращения: 25.03.2013).

Bremmer I. Post-Soviet Nation after Independence, in: *After Independence: Making and Protecting the Nation in Postcolonial and Postcommunist States*, edited by L.W. Barrington. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2006, pp. 141–161.

Business Mongolia [<http://www.business-mongolia.com/>] (дата обращения: 25.03.2013).

- Campi A. Mongolia's Turn at the «Great game», *Asia Pacific Bulletin*, 2012, 1, pp. 2–4.
- Carneiro R. L. The Chiefdom: Precursor of the State, in: *The Transition to Statehood in the New World*. N.Y.: Cambridge, 1981, pp. 37–79.
- Chakrabarty D. Subaltern studies and Postcolonial Historiography, *Nepantla: views from South*, 2000, 1(1), pp. 9–32.
- Dear M.D. Is truth worth its weight in gold? Debating gold mining in early 20th-century Mongolia, *Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии*, 2012, 1, с. 5–23.
- Gilpin R. *Global Political Economy*. Princeton NJ: Princeton University Press, 2001.
- Grayson R., Delgertsoo T., Murray W., Tumenbayar B., Batbayar M., Tuul U., Bayarbat D., Erdene-Baatar C. The People's Gold Rush in Mongolia — the Rise of the «Ninja» Phenomenon, *World Placer Journal*, 2004, vol. 4. Special Issue [http://www.mine.mn/WPJ4_1_Gold_Rush_in_Mongolia.pdf] (дата обращения: 25.03.2013).
- Hayek F.A. *Monetary Nationalism and International Stability*. N.Y.: Augustus M. Kelley, 1971.
- Heilperin M.A. *Studies in economic nationalism*. Genève-Paris: Librairie Minard, 1960.
- High M. The Cultural Logics of Illegality: Living Outside the Law in the Mongolian Gold Mines, in: *Change in Democratic Mongolia. Social Relation, Health, Mobile Pastoralism and Mining*, ed. by J. Dierkes. Leiden-Boston. 2012, pp. 249–270.
- High M. Wealth and Envy in the Mongolian Gold Mines, *Cambridge Anthropology*, 2008, 27(3), pp. 1–19.
- Humphrey C., Sneath D. *The End of Nomadism?* Durham: Duke University Press, 1999.
- Informal gold mining in Mongolia: A Baseline Survey Report Covering Bornuur and Zaamar Soums, Tuv Aimag* [Электронный ресурс]. [http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/---ro-bangkok/documents/publication/wcms_bk_pb_123_en.pdf] (дата обращения: 25.03.2013).
- Mearns R. Decentralisation, Rural Livelihoods and Pasture-Land Management in Post-Socialist Mongolia, *European Journal of Development Research*, 2004, 16(1), pp. 133–152.
- Mongolian Statistical Yearbook 2011*. Ulaanbaatar: NSO, 2012.
- Pedersen M.A., Nielsen M. Trans-temporal Hinges: Comparing Chinese Investments in Mozambique and Mongolia, *Social Analysis*, 2013, 57(1).
- Reich R. *The Work of Nations*. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1991.
- Shulman S. National Sources of International Economic Integration, *International Studies Quarterly*, 2000, 44, pp. 365–390.
- Suny R.G. Nationalism, nation making, and the Postcolonial states of Asia, Africa and Eurasia, in: *After Independence: Making and Protecting the Nation in Postcolonial and Postcommunist States*, ed. by L.W. Barrington. Ann Arbor: The University of Michigan press, 2006, pp. 279–297.

Список информантов

1. Интервью с Е. Чулуунбатом. Руководитель артели старателей, 43 года, имеет лицензию.
2. Интервью с К. Мунх-Цэцэг. Хозяйка торговой точки в районе добычи золота Алтан-Говь, 37 лет.
3. Интервью с Ц. Дамбадоржем. Руководитель артели старателей, 29 лет, имеет лицензию.